

УДК-327(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-52-59

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС МЯГКОЙ СИЛЫ: «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Т. А. Подшибякина

Подшибякина Татьяна Александровна, кандидат политических наук, доцент,
Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону.
E-mail: tan5@bk.ru (ORCID: 0000-0002-2689-8387).

Аннотация

Исследуется проблема применения Россией «мягкой силы» в реализации внешнеполитического курса в контексте нарративного научного направления. Цель – описание стратегических нарративов как коммуникативной технологии «мягкой силы»; для этого вначале потребовалось оценить эвристические возможности концепции стратегических нарративов в качестве аналитического инструмента исследования, ответить на вопрос о валидности соответствующей методологии выбранной теме, операционализировать ее для эмпирической части исследования через понятие политических ресурсов мягкой силы. В связи с тем, что в качестве политической практики был выбран кейс гражданской акции «Бессмертный полк», смысл которой заключается в шествии с портретами родственников, участников Великой Отечественной войны, потребовалось уточнить, относится ли фотография к разновидности нарратива и предложить триангуляцию нарративного и количественного методов анализа. Эмпирическую часть исследования составил контент-анализ, позволивший зафиксировать динамику распространения по миру акции «Бессмертный полк». Результатом стала оценка эффективности использования стратегических нарративов как ресурса мягкой силы России во внешней политике на примере акции «Бессмертный полк» на мировом уровне. Проведена классификация медиа-ресурсов как коммуникативных посредников в распространении стратегических нарративов. Показано, что нарратив, который Россия пытается донести при помощи соответствующих стратегий, – это история Великой Отечественной и Второй мировой войны, отражающая официальный дискурс исторической политики и политики памяти об этих событиях.

Ключевые слова: нарратив; стратегический нарратив; мягкая сила; политические ресурсы; акция «Бессмертный полк»; медиа-ресурсы; коммуникативные технологии.

В мировой политике за Россией закрепился образ «макиавеллистского государства», без колебаний применяющего силу для защиты своих интересов, если это требуется. А вот демонстрация флага, то есть использование «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе страны, если судить по зарубежным публикациям, оценивается далеко не однозначно, хотя усилия политического руководства в этом направлении заметны (Gackowski & Brylska, 2020). Свидетельством тому выступает пропагандистская кампания по продвижению идеи «Русского мира», активно проводимая в недалеком прошлом, с 2007 по 2014 гг., и уже вошедшая в историю идеологических геополитических войн.

Концепция мягкой силы Джозефа Ная описывает возможность влиять посредством косвенного воздействия на участников мировой политики, но в российском случае довольно сложно найти примеры, когда другие страны, как сказано в определении «мягкой силы» (Nye, 2004), захотят следовать России, вдохновляясь ее ценностями. На это есть масса причин: недоброжелатели указывают на имперские амбиции России, идеологические разногласия с ней, агрессивный характер ее внешней политики, и список претензий этим далеко не исчерпывается. Тем более интересными для исследования являются редкие примеры распространения по миру российского опыта, достойного подражания и уважения, являющегося воплощением наших мировоззренческих ценностей и предметом нашей гордости. К таковым можно отнести гражданскую акцию «Бессмертный полк», уверенно набирающую сторонников и искренних последователей во всем мире. И все же со стороны политической власти разных уровней заметны усилия по превращению мероприятий гражданского движения в технологию продвижения наших интересов на мировой арене.

В качестве одного из самых распространенных инструментов реализации мероприятий «мягкой силы» посредством коммуникации в мировой практике часто используются стратегические нарративы. Цель данного небольшого исследования – рассмотреть концепции стратегических нарративов в качестве аналитического инструмента и оценить эффективность применения стратегических нарративов в политической практике на примере акции «Бессмертный полк» как инструмента «мягкой силы» по защите исторической правды о Великой Отечественной войне.

Концепция стратегических нарративов

Концепция стратегических нарративов, которую разработали британские ученые Алистер Мискиммон, Бен О'Лоулин и Лаура Розелле (Miskimmon et al., 2013) для анализа влияния акторов на пользователей Интернета с помощью новых медиа, позволяет выделить два дискурсивных уровня взаимодействия ее участников: уровень свободной коммуникации и коммуникативного целенаправленного воздействия стратегических игроков. Концепция стратегических нарративов чаще всего используется применительно к исследованию проблем именно международных отношений (Livingston & Nassetta, 2018), тем самым отличаясь от известной концепции нарративных стратегий, однако авторы не исключают ее применения к «национальным нарративам» (Roselle et al., 2014). Стратегические нарративы – это средство коммуникации, с помощью которого политические субъекты конструируют общий смысл международной политики и формируют представления, убеждения и поведение внутренних и международных субъектов (Miskimmon et al., 2017).

Базовым понятием теории является понятие нарратива, в широком значении подразумевающее некую «историю», представляющую события прошлого, настоящего и будущего в виде каузальной цепочки причинно-следственных связей, а стратегии придают нарративам символический смысл и определяют способ их продвижения. Алистер Мискиммон, Бен О'Лоулин и Лаура Розелле указывают на три малоизученных аспекта исследования «мягкой силы», которые можно лучше узнать, применив концепцию стратегических нарративов: ресурсы мягкой силы, процессы, посредством которых действует мягкая сила и условия, при которых ресурсы мягкой силы могут быть использованы для поддержки внешней политики. Уникальность данной концепции заключается в особых условиях ее применения – «медиаэкологии», что позволяет средства массовой информации наряду с политической властью рассматривать в качестве участника конструирования стратегических нарративов, а не только их «распространителя» (Roselle et al., 2014: 74).

Ряд исследователей предлагают в качестве приоритета рассматривать не процесс «распространения» стратегических нарративов, а проблему их рецепции потребителями информации. Работа Томаша Гацковского, и Каролины Брыльской «Макиавеллистская Россия» в Крымском конфликте: уточнение метода анализа стратегических нарративов» так описывают механизм распространения средствами массовой информации стратегических нарративов: «События переосмысливаются (в процессе кодирования и расшифровки смысла) журналистами (СМИ) применительно к историческому контексту. Затем они анализируются и усваиваются получателями средств массовой информации благодаря их исторической памяти, знаниям, личному и национальному опыту. По сути, интерпретация текущих событий средствами массовой информации, кажется, основана на стратегических нарративах и находится под влиянием исторического контекста и сравнений, которые создают определенный пузырь вокруг получателей сообщений СМИ» (Gackowski & Brylska, 2020). Шествие «Бессмертного полка» рассматривается как политика перформативной опосредованной памяти, обеспечивающая основу для движения подражателей и как коммуникативная технология формирования транснациональных общественных сфер (Davydova-Minguet, 2018). Считается, что это помогает русской диаспоре, мигрантам «внедрять свои собственные мнемонические нарративы в принимающие общества, учитывая присущую им транскультурную лиминальность и в целом более слабые социально-экономические позиции (Krawatzek & Soroka, 2020).

Другой важный аспект исследования стратегических нарративов – оказание ими влияния на политические сообщества и реализуемую ими политику (Van Noort, & Colley, 2021). Оливье Шмитт считает, что большинство исследований стратегических нарративов посвящено их созданию и взаимодействию с другими элементами государственной власти при проведении внешней политики, а вопрос о том, как целевые политические сообщества воспринимают эти стратегические нарративы и, следовательно, как эти нарративы могут иметь политическое влияние, изучен недостаточно, в част-

ности, оценка влияния политических мифов (Schmitt, 2018). В этой связи один из самых заметных в дискуссиях вопрос – почему одни стратегические нарративы успешно влияют на результаты политики, а другие – нет?

В развитие концепции стратегических нарративов предполагается на эмпирическом материале контент-анализа акций «Бессмертного полка» за рубежом проанализировать роль средств массовой информации и новых медиа в распространении данной стратегии и оценить ее эффективность с точки зрения коммуникативных характеристик: формирования, трансляции и рецепции; а также оценить институционализированность данной политической акции как пропагандистской технологии и реализации в виде практики.

Прежде чем использовать концепцию стратегических нарративов в качестве методологического обоснования выбранной темы, необходимо оценить ее валидность; поскольку речь идет о качественном методе, встает проблема кодировки эмпирического материала, давно известная как самое «узкое» место обработки результатов, полученных качественными методами. Это тем более важно, поскольку чаще всего, если судить по зарубежным публикациям по теме стратегических нарративов, используется прием триангуляции, сочетания различных методов: фрейминга, дискурс-анализа, контент-анализа, а также комбинирование разных подходов: концепции стратегий в рамках теории «структура нарративной политики» (Narrative Policy Framework: NPF) (Shanahan et al., 2011) и теории стратегий, или сочетание теории стратегий с теорией фрейминга (Jones, 2018).

В исследованиях, основанных на применении качественных методов, не существует четкого свода правил и описания установленной процедуры валидации, которая подходила для любого предмета исследования (Saldaña, 2021). К нарративному анализу, предполагающему процедуру исследования многообразных случаев, интервью, кейсов, где невозможно применение статистического приема выборки, это утверждение правомерно даже в большей степени. Ответ на вопрос пригодна ли концепция стратегических нарративов для исследования конкретного случая акции «Бессмертный полк», зависит от доказанности некоторых исходных утверждений: первое, что данное явление в своей структуре имеет нарративные элементы; второе: существует набор акторов, применяющих нарратив как стратегию трансляции своего влияния.

Исторический аспект исследования добавляет еще один вопрос: является ли рассказанная история истинной, как она соотносится с другими нарративами данной тематики? Кэтрин Рисман в книге «Нарративные методы для гуманитарных наук» замечает: истории, те, что не выдерживают испытания и отклоняются от установленной «истины», иногда могут быть самыми интересными, потому что указывают на заглушенные голоса и подчиненное знание. Для проектов, опирающихся на реалистическую эпистемологию, установление этого соответствия истине может быть важным. Для проектов, опирающихся на социальные конструктивистские перспективы, соответствие описываемых событий в личном повествовании с другими видами свидетельств не так важно, иногда даже не имеет значения (Riessman, 2008).

И, пожалуй, самый главный вопрос, который может поставить под сомнение валидность нарративного метода применительно к анализу акции «Бессмертный полк», высший смысл которой заключается в шествии с фотографиями родных, участников Великой Отечественной войны: относятся ли фотографии к объектам нарративного анализа? На первый взгляд – не относятся, поскольку нарратив традиционно воспринимается как «повествование», «рассказ», «история». И, наверное, с этой точки зрения фотографии в качестве нарративного события могут восприниматься только в сочетании с некоей устной интерпретацией образов. Кэтрин Рисман констатирует «визуальный поворот» в нарративных исследованиях, включивший в них различные визуальные жанры: фотографию, живопись, коллаж и видеодневник. Одни исследователи рассказывают историю с изображениями, другие – об изображениях, которые сами являются формой рассказанной истории (Riessman, 2008).

Шествие «Бессмертного полка» по миру: стратегия коммуникативного продвижения официального стратегического нарратива

Можно утверждать, что набор акторов, способных применять нарратив как стратегию ограничен, так как стратегический нарратив существенно отличается от нарратива как такового, то есть некоей истории, рассказанной любым человеком, так как содержит элемент целенаправленного коммуникативного продвижения нарративного дискурса. Стратегическими игроками могут рассматривать-

ся только коллективные акторы, имеющие свои цели, обладающие собственными ресурсами для их достижения и продвижения своих интересов. В фокусе данного небольшого исследования находится официальный стратегический нарратив войны и коммуникативные каналы его распространения за рубежом. Целью стратегии гражданской акции «Бессмертный полк», реализуемой российскими властями, является защита исторической правды о Великой Отечественной войне в связи с непрекращающимися попытками за рубежом переписать историю Второй мировой войны и принизить вклад Советского Союза в победу над фашизмом. «Вопросы об относительном вкладе в победу членов антигитлеровской коалиции традиционно служили поводом для споров, но вопросы о причинах войны и её результатах, если угодно – её смысле, стали дебатироваться с новой остротой именно в условиях, когда мировой порядок, установленный в Ялте и Потсдаме, в значительной степени разрушен, а в сфере международных институтов зашатался в своих основаниях. Знак вопроса повис над главными элементами нарратива войны, который победители сформировали в Нюрнберге» (Бешкинская & Миллер, 2020: 60).

За рубежом стратегию реализует Министерство иностранных дел России, главным образом в лице Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД РФ, действующего через координационные советы, группы активистов, в том числе в социальных сетях. Помогают в проведении акций и различные организации русской диаспоры за рубежом, культурные и русскоязычные центры, русские и международные школы, ассоциации ветеранов, сообщества «Русского мира», русскоязычные общины. Принято различать возникшее в 2012 г. как частная инициатива томских журналистов И. Дмитриева, С. Лапенкова и С. Колотовкина движение «Бессмертный полк», стихийно распространившееся по всей России, и движение «Бессмертный полк России», служащее ресурсом власти по продвижению российской стратегии нарратива памяти о войне в зарубежных акциях с 2014 г. Вопрос о сочетании государственного нарратива и групповых нарративов является одним из самых дискутируемых по проблемам политики памяти в России (Миллер, 2020), а включение индивидуальных нарративов в этот перечень еще и выводит на необходимость осмысления проблемы использования количественных методов исследования нарративов. Если сама фотография по умолчанию изначально рассматривалась как выражение поддержки общей идеи сохранения памяти о войне, то виртуальное шествие «Бессмертного полка» в 2020 г., позволившее использовать и текстовые комментарии наряду с портретами ветеранов, уже отразило разную «правду» о войне.

Личные семейные истории, воплощенные в фотографиях участников Великой Отечественной войны, которые несут участники шествий «Бессмертного полка» за рубежом, все-таки неотделимы от официального нарратива войны и способствуют коллективному выражению идентичности российской диаспоры в мире. На индивидуальном уровне в дискурсе, к каковому относится нарратив, стратегия выражается как «интенция», то есть намерение говорящего. Субъективной интенцией участников шествия является не только сохранение памяти о героях войны в семейной традиции, но и ее публичное коллективное выражение, синергетически усиливающееся посредством объединения единомышленников. Фотография как нарративная форма дискурса таким образом может быть исследована в сочетании с методами контент-анализа, отвечающего на вопрос о социальной значимости коллективной акции.

Количество участников акции «Бессмертный полк» в мире (табл. 1) и в странах постсоветского пространства (табл. 2) значительны. Не показаны страны с числом участников до 500 чел. (Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Камбоджа, Чили, Китай, Куба, Хорватия, Дания, Египет, Индонезия, Италия, КНДР, Кувейт, Люксембург, Македония, Малайзия, Мексика, Марокко, Новая Зеландия, Норвегия, Палестина, Польша, Словакия, Тунис, Финляндия, Швейцария, Швеция, ЮАР, Япония) и до 100 чел. (Албания, Колумбия, Венгрия, Гонконг, Замбия, Индия, Исландия, Панама, Румыния, Словения, Филиппины). Замечание: для сводной таблицы информация о численности участников бралась из разных информационных источников, в некоторых случаях использовались данные полиции, приведены максимальные цифры, иногда информация отсутствовала, иногда была указана порядковыми значениями «десятки», «сотни», «тысячи».

Акции «Бессмертного полка» в мире

Страна	2016	2017	2018	2019
Австрия, Вена	500	500	1000	1100
Болгария	1000	3000	2000	1000
Босния и Герцеговина	-	1000	3500	3000
Канада	4200	8500	8000	7000
Кипр	100	-	4600	1300
Чехия	1000	2000	3000	3500
Греция,	500	2500	4000	5500
Великобритания	2000	100	2000	1500
Вьетнам, Ханой	-	400	1000	1200
Германия	650	800	700	3000
Израиль	3800	1000	10000	1600
Ирландия	-	2000	2000	2000
Испания	200	1400	900	1000
Южная Корея	-	500	200	700
Ливан	200	500	700	700
Монголия	-	-	-	6000
Португалия	-	600	1200	1300
Сербия	1500	3000	4000	10000
Сирия	-	-	150	550
США	600	1700	5800	4900
Таиланд	-	400	1300	800
Турция	100	300	800	2300
Франция	-	1200	2000	1300

Таблица 2

Акции «Бессмертного полка» в странах постсоветского пространства

Страна	2016	2017	2018	2019
Армения	-	3500	6000	2500
Азербайджан	100	350	1000	1000
Беларусь	5000	7000	10000	9700
Эстония	500	6000	4000	3000
Грузия	-	300	300	«десятки»
Казахстан	25500	80000	215000	145000
Украина	1000	10000	«тысячи»	100000
Киргизия	20000	30000	50000	50000
Латвия	4000	8000	15000	20000
Литва	-	3000	1000	-
Молдавия	40000	70000	100000	75000
Таджикистан	100	500	600	2000
Туркменистан	-	2000	-	-

Большинство стран показывают устойчивый рост сторонников движения «Бессмертный полк», в некоторых случаях цифры колеблются, например, большей масштабностью участия отличается 2018 г. в сравнении с последующими. Сколько бы ни было участников акции, сам факт мероприятия позволил России как стратегическому игроку артикулировать и продвигать свою оценку Второй мировой и Великой Отечественной войны. Численность прошедших маршем в памятные даты победы над фашизмом, даже если она была невелика, использовалась как информацион-

ный повод для донесения средствами массовой информации российской позиции до мировой аудитории и продвижения ее в многоязычной коммуникации. Средства массовой информации, вовлеченные в эту работу, можно разделить на три категории: крупные федеральные информационные агентства и новостные организации как основной стратегический ресурс российской власти за рубежом, различные общероссийские издания и информационные каналы, а также информационные возможности русских общин за рубежом и совместные с Россией информационные ресурсы стран ближнего и дальнего зарубежья.

К первой категории относятся: Информационный портал о шествии «Бессмертного полка» в мире, iregiment.com; «Бессмертный полк», tourpolk.ru; Российское государственное информационное агентство федерального уровня TASS; информационное агентство РИА Новости; Федеральное информационное агентство ИА REGNUM; Информационный портал Фонда «Русский мир»; Рамблер – медийно-сервисный портал; Информационное агентство news-front.info; Аналитический портал Фонд стратегической культуры; RT – информационный телеканал.

Во вторую категорию входят такие издания, как: Взгляд. Деловая газета, vz.ru; Pravda.ru; ntv.ru; информационный портал газеты Известия, iz.ru; информационное агентство Красная весна, rossaprimavera.ru; Общероссийский федеральный государственный общественно-патриотический телеканал «Звезда»; интернет-газета lenta.ru; информационный портал life.ru; газета Комсомольская правда; RT, Российская газета; Информационное агентство Eurasia Daily (EADaily); Парламентская газета.

Третью категорию составляют средства массовой информации, подобные нижеперечисленным: Информационный портал «Русский форум в Австрии», russianaustria.com; Бельгийская Федерация Русскоязычных Организаций, bfro.be; Новости Венгрии. russkie.hu – Русские соотечественники; Портал России и ДНР, da-info.pro; Союз организаций российской соотечественников в Испании и Андорре, sors-spain.org; информационные агентства новостей России и стран СНГ, ближнего зарубежья: ArmeniaSputnik, AzeSputnik, SputnikKg, LvSputnik, LtSputnik, SputnikGeogia, Российско-армянское информационное агентство: rusarminfo, Moscow-baku.

Основным медийным стратегическим ресурсом выступает, как показал анализ, информационный портал о шествии «Бессмертного полка» в мире, iregiment.com, который с 2017 г. не только осуществляет информационное сопровождение акции, но и выполняет функцию координатора проведения акций во всем мире. Другим значимым медийным ресурсом выступают государственные информационные агентства, вещающие на дальнее и ближнее зарубежье. Как результат этих общих усилий, можно констатировать устойчивый динамический рост акции «Бессмертный полк» по всему миру и в отдельных странах, в частности. Это является свидетельством не только хорошей организации со стороны МИД, профессиональной информационной поддержки, скоординированности действий русских сообществ за рубежом, но и притягательности самой идеи единения поколений, воевавших и не знавших войны.

Уровень подготовки и проведения акции требует высокой степени организации как со стороны государства, так и со стороны координационных центров гражданского общества, что привносит в этот процесс признаки определенной технологии. Средства массовой информации придают официальной государственной стратегии распространения исторической правды о Великой Отечественной войне, определяемой властью, форму нарратива. Рецепция стратегических установок в случае с акцией «Бессмертный полк» облегчается визуализацией нарратива посредством фотопортретов, не требующей дополнительной аргументации, понятной без перевода, подкрепленной искренностью эмоций участников акции.

Заключение

Акции «Бессмертного полка» можно причислить к политике «мягкой силы», реализуемой Россией по всему миру, ресурсом которой выступает потенциал общественного движения гражданского общества, направленный на поддержание традиции уважения к памяти старшего поколения участников Великой Отечественной войны. Личные истории (нарративы), запечатленные в фотографиях родных и близких, сливаясь в единое шествие с портретами героев войны, превращаются в символическое событие коммеморации Победы русского народа во Второй мировой войне. Нарратив войны, который Россия пытается донести при помощи соответствующих стратегий, – это история Великой Отечественной и Второй мировой войны, отражающая официальный дискурс исторической политики и политики памяти об этих событиях. Основная цель нарративной стратегии – сохранить и донести историческую правду о вкладе Советского Союза в победу над фашизмом, чтобы она не пре-

вращалась для новых поколений в «неизвестную войну», противостоять попыткам прямой фальсификации итогов Второй мировой войны.

Финансовая поддержка

Исследование проводится в рамках проекта 19-011-31284 Стратегии когнитивной политической цензуры как эффект «новых медиа»: украинский кейс в сравнительной перспективе.

Список литературы / References

- Бешкинская, В., Миллер, А. (2020) 'Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну', *Россия в глобальной политике*, 18 (5), сс. 60–88. [Beshkinskaya, V., Miller, A. (2020) 'Sufferings, the feat of the rear and the common responsibility for the war' [Stradaniya, podvig tyla i obshchaya otvetstvennost' za voynu], *Russia in Global Politics*, 18 (5), pp. 60–88. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2020) 'Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики', *Новое прошлое*, 1, сс. 210–217. [Miller, A. I. (2020) 'The Politics of Memory in Strategies for the Formation of National and Regional Identities in Russia: actors, institutions and practices' [Politika pamyati v strategiyakh formirovaniya natsional'nykh i regional'-nykh identichnostey v Rossii: aktory, instituty i praktiki], *The New Past*, 1, pp. 210–217. (In Russ.)].
- Davydova-Minguet, O. (2018) 'Media, memory, and diaspora politics in transnational public spheres' in: Jussi, P. (ed.) *Post-Cold War Borders*. London: Routledge, pp. 93–111.
- Fedor, J. (2017) 'Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the "Immortal Regiment" Movement' in: Fedor, J. (ed.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 307–345.
- Gackowski, T., Brylska, K. (2020) 'Machiavellian Russia' in the Crimean conflict: Clarification of strategic narratives analysis method', *Journalism*. Available at: URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1464884920928157>.
- Jones, M. D. (2018) 'Advancing the narrative policy framework? The Musings of a potentially unreliable narrator', *Policy Studies Journal*, 46 (4), pp. 724–746.
- Krawatzek, F., Soroka, G. (2020) 'Circulation, Conditions, Claims: Examining the Politics of Historical Memory in Eastern Europe', *East European Politics and Societies*, March 2021. doi:10.1177/0888325420969786.
- Livingston, S., Nassetta, J. (2018) 'Framing and strategic narratives: Synthesis and analytical framework', *SAIS Review*, 38(2), pp. 101–110.
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B., Roselle, L. (2017) *Forging the world: Strategic narratives and international relations*. University of Michigan Press.
- Miskimmon, A., Roselle, L., O'Loughlin, B. (2013) *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York: Routledge.
- Nye, J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Riessman, C. K. (2008) *Narrative Methods for the Human Sciences*. CA, USA: SAGE Publications.
- Roselle, L., Miskimmon, A., O'Loughlin, B. (2014) 'Strategic narrative: A new means to understand soft power', *Media, war & conflict*, 7(1), pp. 70–84. doi:10.1177/1750635213516696.
- Saldaña, J. (2021) *The coding manual for qualitative researchers*. SAGE Publications Limited.
- Schmitt, O. (2018) 'When are strategic narratives effective? The shaping of political discourse through the interaction between political myths and strategic narratives', *Contemporary Security Policy*, 39(4), pp. 487–511.
- Shanahan, E. A., Jones, M. D., McBeth, M. K. (2018) 'How to conduct a Narrative Policy Framework study', *The Social Science Journal*, 55 (3), pp. 332–345.
- Van Noort, C., Colley, T. (2021) 'How do strategic narratives shape policy adoption? Responses to China's Belt and Road Initiative', *Review of International Studies*, 47(1), pp. 39–63. doi:10.1017/S0260210520000388.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 03.06.2021

Статья принята к печати: 30.06.2021

**STRATEGIC NARRATIVES AS A SOFT POWER POLITICAL RESOURCE:
THE IMMORTAL REGIMENT ON GUARD OF THE INTERESTS OF RUSSIA**

T. A. Podshibyakina

T. A. Podshibyakina, Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don.
E-mail: tan5@bk.ru (ORCID: 0000-0002-2689-8387).

Abstract

The article examines the question of Russia's use of "soft power" in its foreign policy in the context of a narrative scientific direction. The research goal is to describe strategic narratives as a communication technology of "soft power". The author evaluates the heuristic possibilities of the concept of strategic narratives as an analytical research tool. As the civil action "Immortal Regiment" is chosen as a political practice, it was necessary to clarify whether the photograph is a kind of narrative and to offer a triangulation of narrative and quantitative methods of analysis. The empirical part of the study is based on content analysis, allowing recording the dynamics of the global spread of the Immortal Regiment campaign. The outcome is an assessment of the effectiveness of using strategic narratives as a resource of Russia's soft power in foreign policy on the example of the "Immortal Regiment" campaign at the global level. The classification of media resources as communicative intermediaries in the spreading of strategic narratives is carried out. It is shown that the narrative that Russia is trying to convey is the history of the Great Patriotic War and the Second World War, reflecting the official discourse of historical policy and the policy of commemorating these events.

Keywords: narrative; strategic narrative; soft power; political resources; Immortal Regiment; media resources; communication technologies.

Acknowledgements: The work is implemented under project 19-011-31284 Strategies of cognitive political censorship as the effect of "New Media": Ukrainian case in comparative perspective.